
Володька – он, конечно, красивый. Не то, что Мишка. Глаза у Володьки голубые, на щеках ямочки – вылитый Гагарин. Как Володька «солнце» на турнике крутит – даже десятиклассницы приходят посмотреть.

А Мишке физрук, добрейший физрук, который всех старшеклассников зовёт в поход в лесу с палатками и сквозь пальцы смотрит на то, чем они там занимаются, вывел в четверти трояк и сказал:

- Упражнение «сосиска» Михаил, конечно, выполняет на отлично. Ну а за всё остальное, простите, придётся немного срезать балл.

И все расхохотались, потому что «сосиска» - это, по выражению физрука, никакое не упражнение, а просто когда болтаешься на турнике и подтянуться ни разу не можешь. Вики, по счастью, не было в тот день – её вообще почти не бывает – но ей обязательно рассказали, а если и не рассказали, то всё равно она и раньше видела, как он висит.

Володька квадрокоптер собрал. Хрен его знает, из чего квадрокоптер, из дерьма и палок, пластмасски какой-то да батареек. Физичка, Татьяна Пална, сказала, что Володька, наверно, вундеркинд и надо его отправить на городскую олимпиаду; отправила, конечно, всё равно своего сынулю, но это всё равно.

А Мишка что? Мишка табуретку на труде сколотить не мог, два раза по гвоздю – четыре по пальцу. Мишке лампочку не доверяют вкрутить – с двух стульев навернётся, с одного не дотянется. У Мишки рост – метр пятьдесят два. Он, конечно, врёт, что метр пятьдесят пять, но сам-то он знает, что метр пятьдесят два, а теперь вот и вы знаете. Но вы же никому не скажете, да?

И ещё – но только если никому не скажете! – Мишка за всю свою почти четырнадцатилетнюю жизнь ни разу не целовался.

Впрочем, даже если вы вообще никому не скажете, всё равно все и так всё понимают.

Потому что Мишка – это вам не Володька.

Мишка - он смазливый, гад. Не то что Володька. Глазенапы у этого Мишки – на пол-лица. Когда «Онегина» ставили, стали думать, кому Ленского играть,

так все девчонки в один голос как завизжат – Мишка, Мишка! Тащатся от него, это факт. А Володьке хотели дать этого хмыря, ну который всю дорогу воду мутит, как его там, Задецкий? Хрен его знает или вон Мишка, хотя у него по лит-ре и так пять, потому что Мишкины стихи в газете напечатали. Володька читал. Половины, правда, не понял – всё про смерть и про то, как Мишка мечтает побыстрее скопытиться, а один стих был про Вику. Ну, конечно, не прямо вот про Вику, а накрутил там туеву хучу, про какую-то богиню победы, что ли. Но девчонки сразу просекли, что про Вику; её в тот день не было, но ей стопудово рассказали. Да если и не рассказали, и так все знают, какой Мишка весь из себя талантливый. И на гитаре он, и курит, причём не как все курят, тайком в сортире, а просто вот идёт по улице и курит, и хоть бы что ему, а почему курит – а потому что мечтает побыстрее скопытиться, и поэтому все девчонки от него пищат, ясное дело. Володька, может, тоже не прочь скопытиться, ну а кто тогда будет...а, да это неважно.

Мишка, правда, мелкий, но это всё фигня. Пушкин вон тоже был мелкий, ну и чего? Зато он весь из себя бледный, и волосы не вьются, не то что у Володьки, кудельками, как у пуделя. Вчера тётя Нина, старая кляча, обозвала Володьку херувимом. Володька подумал – ну, ещё поматерись мне тут, маразматичка несчастная! Потом погуглил, а это и не мат, а такой толстозадый ангелок, ну, как девчонки на Валентинов день друг другу дарят. Ещё не легче. Надо у Машки стайлер спереть и выпрямить уже эти кудельки к чёртовой матери – вы ж Машке не скажете? Машка – она всем разболтает.

И ещё – но только если не скажете ни ей, никому! – Володька ни разу за свои четырнадцать лет ни с кем не целовался. Хотя, наверное, все и так догадались.

Потому что Володька – это вам не Мишка.

Ну как же так получилось?

Она ведь даже не целовалась ещё ни с кем...

Эту печальную взрослую мысль сменяет печальная детская – и в Диснейленде не была ни разу... И вообще нигде не была...Только в Милане, но Милан не считается, да?

Как же так...

Даже до выпускного не доживёт...

Даже если после девятого выпускной, всё равно...

Зачем тогда были все эти бесконечные уроки танцев, и верховой езды, и вообще...

А самой красивой девочкой в классе теперь станет Ющенко – эта противная Ющенко!

Большая, идеально круглая – у Вики всё идеальное! – слеза капает на раскрытую страницу медкарты. Вика думает, кого теперь напечатают в апрельском номере каталога, и тяжёлые прозрачные капли падают одна за одной.

- Михаил!

Алексей Васильевич, такой же, как сын, маленький и глазастый, сидит за рабочим столом и напряжённо всматривается в экран, когда Мишка, сияя от радости, появляется на пороге его кабинета.

- Да, папочка? – не подумав, выпаливает он и тут же смущается этого идиотского «папочка». Но Алексей Васильевич, судя по всему, не слышит – оторвавшись от компьютера, смотрит куда-то мимо сына.

- В ящике стола, - говорит он, - лежало две пачки «Ротманса». Почему теперь одна?

- Она и была одна, - глядя в пол, заявляет Мишка. – Ты, наверное, спутал.

- У меня, наверное, в глазах двоилось, - развивает эту версию Алексей Васильевич. Потом вздыхает и говорит:

- Мелкое хищение чужого имущества, путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой статьи сто пятьдесят восьмой, частями второй, третьей и четвертой статьи сто пятьдесят девятой... Алексей Васильевич – юрист. Он всегда говорит то, что правильно, и не всегда – то, что нужно.

- Подумаешь, - бубнит Мишка под нос, - я тебе десять таких куплю.

- Купи, - предлагает Алексей Васильевич.

- Не продают, - вздыхает Мишка.

- Правильно делают. Продажа несовершеннолетнему табачной продукции или табачных изделий влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц...

- Ну вот именно, - говорит Мишка, - я же не хочу наложить столько тысяч на всех этих вот лиц. Поэтому и не покупаю.

Отец щёлкает зажигалкой, суёт сигарету в рот и наставительно изрекает:

- Курить вредно.

Мишка фыркает, и Алексей Васильевич поспешно добавляет:

- В твоём возрасте.

- На Руси, - замечает Мишка, - в моём возрасте уже женились.

- На Руси, - говорит Алексей Васильевич, - и сигарет не было.

- Отсталое общество, - с видом знатока заявляет Мишка, но Алексей Васильевич уже вновь уткнулся в экран, напоследок ударив по больному:

- Будешь курить, так и останешься низкоросликом!

Мишка хмыкает и, выйдя из кабинета отца, хлопает по карману брюк – проверяет, на месте ли «Ротманс». На месте. А высоким Мишка и так не вырастет, потому что – генетика. Они на той неделе проходили.

А всё-таки отец заметил, что он курит. И месяца не прошло!

Машка стоит перед зеркалом и строит разные физиономии, изображает не то Диту фон Тиз, не то Сашу Грей. Похоже, однако, получается всё равно на Володьку – тот же вздёрнутый нос, ямочки и круглые голубые глаза, те же нелепые кудряшки.

- Володь, - спрашивает она, - я правда как Селена Гомес?

- Полный гомес, - бурчит Володька, роясь в тумбочке. Он точно помнит, что стайлер лежал именно там – теперь куда делся? Вечно эти бабы разведут бардак. Машка не понимает:

- Володь, я красивая?

Ну не хватало ещё думать, красивая Машка или некрасивая. Машка – она и есть Машка. Вот Вика...да куда же, мать его, подевался стайлер? Но тут Машка замечает его манипуляции.

- Ну не свинство – шариться в чужих тумбочках? – шипит она. – Чего тебе там понадобилось?

- Наркоту ищу, - язвит Володька.

- Свою купи, - парирует Машка. – Нет, ну серьёзно?

- Стайлер хотел пересобрать, - признаётся Володька. – А то ты дофига им жрёшь электричества.

Раньше Машка со стайлером не расставалась. А теперь вон опять кучерявая.

- Ты дурак? – Машка закатывает круглые глаза. – Я его продала на авито. Кудрявые волосы – это же трэ-энд!

У Машки это любимое слово – трэ-энд. Вот дура-то, о Господи.

- И гель продала? – Володька понимает, что выдал себя с головой, но отступить уже поздно.

- Ой, дура-ак, - пищит Машка. – Ну кому я его продам, там полтюбика осталось. Вон стоит. Володь, а тебе зачем?

- Авиамодели смазывать, - Володька краснеет до ушей и уходит.

Вика рассматривает детские фотографии.

Нормальных детских фотографий у Вики нет – в нелепой шапке, с перемазанной шоколадом физиономией, с нелепым хвостиком на макушке...

Неприменно очаровательное платьице, ослепительно белые чулочки, идеально уложенные локоны – это она рекламирует мороженое... От неё требуют сделать довольное лицо – и пока оно получилось, пришлось запихать в себя столько мороженого, что потом три недели болело горло...представляете, целых три недели – никаких фотосессий!

Теперь Вика была бы совсем не против фотосессий. Самых нелепых, самых изнурительных.

Потому что, какими бы они ни были, они всё же лучше сеансов химиотерапии.

Видите это здание?

Не считайте, сколько в нём этажей, я вам скажу – тридцать четыре. На тридцать втором находится юридическая фирма, где пять дней в неделю работает Алексей Васильевич. Оставшиеся два дня в неделю он работает на дому.

Надо очень много работать, чтобы Мишка учился в престижной школе. Чтобы потом поступил в престижный институт. И чтобы ничем не отличался от тех, кто вместе с ним ходит в престижную школу и престижный институт.

Но Мишка всё равно от них отличается.

Хотя бы тем, что видит отца не чаще, чем раз в месяц.

Трудно, очень трудно объяснить Алексею Васильевичу, что сходить с ним в кино, за грибами, да просто поговорить по-человечески для Мишки гораздо важнее, чем получить увесистую пачку карманных денег и рассеянный отцовский взгляд.

Может быть, для кого-то другого это было бы нетрудно. Но Мишка...Мишка разве объяснит?

Присматривает за ним домработница.

А мама от них ушла.

Такое тоже бывает.

У Машки торчит лучшая подруга Диана – на редкость неприятная девица. Из Машкиной комнаты только и слышно:

- Фу, в горох! Ещё бы в цветочек!

- Никто уже не выщипывает брови – ты что, Кару Делевинь не видела?

- Накладные ногти носят – сама знаешь кто!

И самое популярное:

- Ой, ну я не могу! Как в детсадике!

Машка – она только Володьке хамить горазда. А тут блеет на последнем издыхании своё «трэээнд», а больше ни слова выдать не в состоянии.

Сегодня Диана особенно в ударе и бьёт прямо по больному:

- Опять, конечно, на медляк Матвеюшку своего пригласишь?

Это она про дискотеку. У них на Восьмое марта дискотека намечается.

- Отстань, - бормочет Машка и, совсем как брат, краснеет до ушей.

- Ну а кого? Эдика, что ли, из параллельного?

По большому счёту ничего криминального, конечно, нет ни в Матвее, ни уж тем более в Эдике из параллельного. Но это Машка так думает. А Диана – она до того вывернет, что...

- Отстань, - бессильно повторяет Машка. В дверь просовывается любопытная Володькина голова. В эту минуту несносный брат кажется Машке едва ли не ангелом небесным. – Я вон с Володькой пойду.

Ну не будет же Диана критиковать Володьку прямо при Володьке, верно?

- Щаззз, - Диана закатывает глаза, - он с Викочкой своей потащится. Володя у нас на Викочку запал, да?

Но Володька только стоит, как истукан, и хлопает глазами; вид у него в эту минуту ненамного умнее Машкиного. Чёрт знает, почему эта Диана так на всех действует.

- А чего она в школу не ходит, а, Володь?

- Ходит, - бурчит Володька.

- Может, она того? – Диана хлопает себя по впалому животу, - в декрете, а?

И хохочет, как будто это очень весело.

Ну, должно же кому-то быть весело оттого, что Вика уже два месяца не появляется в школе.

Перед двадцать третьим февраля девчонки три недели шушукались. А подарили знаете что? По дезодоранту! Отличный подарок. Так сказать, с намёком. Ну ничего, пацаны тоже какую-нибудь гадость выдумают. Вон, в магазине приколов продаются гадкие конфетки со вкусом ушной серы, подгузников – и откуда авторы знают, какие на вкус подгузники? – и всякого другого прочего. Надо только завернуть покрасивее, и вперёд.

У Мишки проблема посерьёзнее.

Каждый год он подкладывал Вике в портфель большое шоколадное сердце и стихи собственного сочинения. Ну хорошо, не из года в год. Ну хорошо, только в том году и собирался в этом. Но всё равно традиции, даже не очень древние, надо хранить, верно?

Но это легко сказать – надо хранить. А на деле – как, если Вика пропала?

Набравшись смелости, Мишка подходит к классной руководительнице, которая Мишку терпеть не может. Чёрт его знает, почему. Не может, и всё. Но ведь не у девчонок же спрашивать – они-то сразу почувствуют, что дело здесь нечисто.

- Ирина Ивановна, - робко спрашивает Мишка, - а Вика Белова в другую школу перешла, да?

- Нет, - сухо бросает Ирина Ивановна.

- А почему она не...

- Севостьянов, - классная руководительница фыркает. Никакая она не классная! – тебе что, больше всех надо? Так бы об учёбе думал.

Это уже вообще не в тему. Мишка нормально учится. Ну, кроме физкультуры. Просто, когда таким людям, как Ирина Ивановна, нечего сказать, они обычно говорят гадости. Ответ же, наверное, может дать только один человек.

Володька.

Юридическая фирма, в которой работает Алексей Васильевич, находится на тридцать втором этаже.

На двадцать восьмом находится онкологический центр, в котором работает Екатерина Сергеевна.

На четырнадцатом этаже однажды в среду утром остановился лифт, в котором Алексей Васильевич ехал на тридцать второй этаж, а Екатерина Сергеевна – на двадцать восьмой.

И как-то они разговорились.

А а следующий день, хотя лифт больше не застревал, встретились и ещё больше разговорились.

И ещё.

Ну и так далее.

Всё же довольно понятно, да?

Но Мишка, наверное, не поймёт.

У Мишки переходный возраст. Он и так, кажется, курит.

Поэтому пусть уж лучше думает, что Алексей Васильевич работает до двенадцати.

Раньше ведь так оно и было.

Зрение у Мишки – минус пять с половиной, поэтому сидит он на первой парте.

Володька сидит на четвёртой и напряжённо всматривается в Мишкин затылок.

Естественно, он знает, что с Викой. Но вопрос в том, скажет он Володьке или не скажет. И ещё другой вопрос – сдаст он Володьку или не сдаст. Диана, чёрт бы её побрал, и так уже догадалась. Но это ладно, у неё мозгов как у курицы, только и интересов, кто на кого запал; можно и не заморачиваться. А Мишка – ну его в задницу, ушлый он какой-то. Хрен поймёшь, что на уме.

И тут Володьке – бумс! – прилетает записка:

«Ответь, пожалуйста, что с Викой. Аноним».

Володька думает, как ответить поостроумнее, но ничего особенно остроумного в голову не приходит, поэтому он просто зачёркивает последнюю букву последнего слова и пишет сверху:

«СТ».

И кидает запиской обратно в первую парту.

Володька моет отцовскую машину. Ну как моет – размазывает тряпкой мокрую грязь. Ну как машину – выдавшую виды ядовито-жёлтую «Ладу-Калину».

Сейчас вы, конечно, возразите, что Валерий Павлович не может ездить на выдавшей виды ядовито-жёлтой «Ладе-Калине».

Ну а я скажу вам на это – может. И ездит. Потому что Валерий Павлович – самый спокойный человек в мире.

Надо быть очень спокойным, чтобы преподавать математику бесконечным оболтусам, которым она ну вот совершенно в рог не упёрлась, вместо того чтобы заниматься научной деятельностью, к которой у Валерия Павловича есть и склонности, и способности. Но когда Валерий Павлович учился на четвёртом курсе, он совершенно неожиданно для себя влюбился в Анну Викторовну, которая тогда училась на третьем.

А когда Валерий Павлович учился на пятом, то совершенно неожиданно для себя услышал от Анны Викторовны, которая тогда училась на четвёртом, что очень скоро станет отцом. И не каким-нибудь обыкновенным отцом одного или там двух младенцев, а сразу – троих.

- Ну, - сказал на это пятикурсник Валерий Павлович, - с кем не бывает.

- Ни с кем! – возмутилась четверокурсница Анна Викторовна. – Ни с кем не бывает!

- Значит, - ответил Валерий Павлович, - должно же с кем-нибудь быть.

И, закончив свой пятый курс, пошёл преподавать математику в гимназию номер тридцать. Учёной степени он, конечно, не получил, но зато получил Володьку, Машку и Сеньку. И, может быть, будь у него учёная степень, но не будь Володьки, Машки и Сеньки, он был бы гораздо несчастнее, чем с

Володькой, Машкой и Сенькой, но без учёной степени. А может быть, как раз наоборот. По Валерию Павловичу трудно догадаться, потому что Валерий Павлович – самый спокойный человек в мире.

- Похвально, Владимир, - говорит он сыну, видя, как тот оставляет старой губкой на старой машине новые разводы. – Мыть отцовский автомобиль – грязный, но благородный труд.

Володька решает, что пора взять быка за рога.

- Пап, а ты не мог бы тоже проявить благородство?

- Странный вопрос, - замечает Валерий Павлович. – Чего тебе, чудище?

Чудище – обыкновенное ласковое слово, которым Валерий Павлович нередко называет не только Володьку, но также Машку, Сеньку и Анну Викторовну, и дело совсем не в том, что сейчас Володька, разлохмаченный и весь перемазанный грязью различного происхождения, в самом деле подходит под это определение.

- Денежек, - робко просит Володька.

- Ты циничен и меркантилен, - вздыхает Валерий Павлович. – Хоть раз попросил бы: отец, ты не мог бы посвятить меня в волшебный мир математического анализа...на что тебе деньги?

Володька краснеет и бурчит под нос:

- На всякое.

- Не понимаю, - говорит Валерий Павлович, - что значит «всякое»? Некачественный алкоголь? Тяжёлые наркотики? Падшие женщины? Ну, признавайся!

Но тут, как чёрт из табакерки, выскакивает Сенька и вопит во всю мощь своих юных голосовых связок:

- Пап, а пап!

- Ну а тебе чего, чудище?

- Мне там это...одна девочка нравится. Отсыпь денежек на шоколадку, а?

- Вот это я понимаю, - радуется Валерий Павлович. – Вот этот вот мой сын, Арсений, растёт настоящим джентльменом. Возьми, ещё в кино её сводишь.

Никакая там это одна девочка Сеньке не нравится. Полученные деньги он переведёт на счёт одной довольно идиотской игры – ну не глупость? Но тем не менее из всей троицы он если не самый интеллектуально одарённый, то уж, во всяком случае, самый предприимчивый.

- Пап, - робко шепчет Володька, - мне тоже...одна девочка в классе нравится...

- Ложь, - говорит Валерий Павлович, - одно из самых неприятных свойств человека вообще. Одно из самых неприятных свойств человека современного – склонность к плагиату.

Володька вздыхает и решает не домыывать «Ладу-Калину». Всё равно чище не станет. И вообще, что это за занятие в предпраздничный день!

Ножку Машкиного стола подпирает розовая книжечка с сиреневой надписью «Анкета для подружек». Идиот Сенька в приступе своего идиотского веселья запрыгнул на Машкин стол, а потом с радостным улюлюканьем столь же ловко спрыгнул; а когда, работая учителем математики в гимназии номер тридцать, тащишь на своих плечах троих несовершеннолетних спиногрызов, довольно проблематично покупать им новые столы после каждого приступа бурной радости. Поэтому вот.

Удивительно другое – до чего непрочны и преходящи слова и почёт. Всего каких-нибудь два с небольшим года назад эта розовая книжечка с откровениями прекрасной половины шестого «Бэ» класса гимназии номер тридцать была едва ли не главным Машкиным сокровищем – а теперь вот подпирает ножку стола.

И всё же не стоит забывать всеми оставленных героев. Они ещё могут в последний раз сослужить вам службу.

Володька мало что понимает в девчачьих анкетах, но ему кажется, сюда должны писать адреса. Так...Диана...Светка Каневских...Ющенко, куда ж без Ющенко...вот, Вика Белова.

Любимый цвет? - Сиреневый.

Любимый цветок? - Орхидея. Да-да, через «Е».

Любимое животное? - Лебедь.

Лебедь, конечно, никакое не животное, а Заболоцкого, конечно, Володька не читал. Вряд ли и Вика его читала. Просто совпадение, вот и всё.

Кто тебе нравится?

Володька понимает, что прошло два с половиной года, но дыхание всё равно перехватывает.

- Джейкоб из «Сумерек».

Володька шумно выдыхает. И вот наконец:

Где ты живёшь? - 1-я Энтузиастов, 19, квартира 75.

Твой самый большой секрет? - Я ненавижу фотографироваться.

На орхидеи Володьке не хватает.

Даже на одну.

Поэтому он покупает мимозу, успокаивая себя тем, что за два с половиной года Викины вкусы могли существенно измениться.

И внезапно видит Мишку, который пробирается в кондитерский отдел с огромным букетом нежно-розовых калл.

- Кого поздравлять собрался?

- Тётю, - неохотно поясняет Володька и выходит из магазина в направлении, подозрительно соответствующем адресу, указанному в досье Вики Беловой в ярко-розовой Машкиной «Анкетке для подружек».

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Ну и пусть водится с этим мажором, думает Володька, вдавливая палец в кнопку звонка. Конечно, у него бабла немерено. Все бабы на бабло ведутся, даже такие, как Вика. Можно бы вообще-то и домой пойти, а мимозы выкинуть по дороге в урну или Машке отдать. Ну и ладно. Он просто увидит Вику. Просто убедится, что у неё всё нормально.

Ну и пусть общается с этим бугаём, думает Мишка. Даже подарок нормальный зажал, стоит тут с веником. Женщины любят только подонков, это всем известно. Даже такие, как Вика. Можно было бы, конечно, просто пойти домой, а каллы и торт отдать...да всё равно кому, просто случайной прохожей. И умереть. Это ведь так красиво – умереть в Международный Женский День! Но сначала надо увидеть Вику. Надо убедиться, что с ней всё в порядке.

За дверью слышатся шаги.

Володька расправляет плечи и в который за сегодня раз приглаживает обильно политые гелем волосы.

Мишка привстаёт на цыпочки, сует в рот сигарету, потом, подумав, что дверь может открыть, например, Викина мама, вынимает обратно.

Но открывает Вика.

Похудевшая килограммов на пять, фиолетово-зелёная, обритая наголо Вика.

Самая красивая девочка восьмого «Бэ», если вы спросите у кого угодно из восьмого «Бэ».

А если вы спросите у Мишки или у Володьки, они скажут вам, что Вика – самая красивая девочка вообще.

- Мы...- бурчит Володька и краснеет.

- Мы...- бубнит Мишка и бледнеет.

Но самой красивой девочкой восьмого «Бэ» нужно оставаться, несмотря ни на что.

Вика обезоруживающе улыбается голубовато-белыми губами и тихо говорит:

- Ну, заходите.

Сначала они пьют чай в абсолютной тишине. Много-много чая.

Потом Мишка замечает на стене репродукцию и неуверенно спрашивает:

- Это Ге?

А Володька ни с того ни с сего ляпает:

- Причём полное.

Это всегда так у Володьки. Если его смутить – он городит чушь. Если сильно смутить – полную чушь.

Но Вика ни с того ни с сего хохочет. Может быть, из вежливости. А может быть, она просто слишком давно не смеялась, и весь скопившийся смех спешит теперь прорваться, выплеснуться.

Володька смелеет и рассказывает, как Танька Котова притащила на биологию синицу, заявив, что это будет наглядное пособие, а наглядное пособие взяло и нагадило на стол Марине Андреевне, а та как разорётся – какая, к чёрту, наглядная синица, мы анатомию изучаем! – а Венька Свидригайлов сказал, что тогда притащит черепушку или сразу целый скелет; у Веньки отец ритуальным бизнесом занимается, ну и юмор, понятное дело, в семье соответствующий.

- Знаешь, как называется место на кладбище, где сидит сторож? – спрашивает Володька, ободрённый неожиданным успехом. Вика не знает. Мишка знает, но из солидарности молчит. Пусть восхищается шутками этого болвана, что уж там.

- Живой уголок! – выпаливает Володька и покатывается со смеху. Но Вика внезапно вспоминает, что скоро умрёт, и по её щеке скатывается большая светлая слеза. Ей кажется, будто этого никто не видит, но Мишка видит.

Тогда он берёт гитару и начинает играть «Хаус оф райзинг сан». Это единственная песня, которую Мишка умеет играть. Только вы тоже никому не говорите.

А репродукция совсем не Ге, а Брюллова. Ну и ладно.

Потом они долго пробираются домой по мокрому мартовскому месиву. Вообще Володька любит март. Весенний воздух кажется ему полным надежд.

Но только не сегодня.

В голове у Мишки толкаются рифмы, но он отгоняет их прочь. Все красивые и пафосные слова о смерти кажутся ему сейчас неуместными.

Потому что в смерти нет ничего красивого и пафосного.

За два часа у Вики он повзрослел на два года.

- Береги её, - говорит Володька и снова краснеет до пунцовости.

Мишка так погружён в свои мысли, что до него не сразу доходит суть.

- Я думал, - говорит он, - она выбрала тебя.

- А я думал, тебя.

Впрочем, теперь уже всё равно, кого выбрала Вика.

Потому что Вику выбрала болезнь.

Володька долго молчит, потом, сплюнув сквозь зубы, бормочет:

- Выздоровеет – разберёмся.

А если не выздоровеет, думает Мишка, но вслух ничего не говорит.

Если не выздоровеет? Что тогда?

Они подружились.

Володька по-прежнему не может с уверенностью сказать, из какого романа взялся Печорин, а Мишка по-прежнему получает нетвёрдые тройки за упражнение «сосиска», но они подружились.

И им невдомёк, что эта внезапная дружба, политая гелем некогда кудрявая Володькина голова и длинные, пушистые, как не у всякой девчонки, Мишкины ресницы вызывают в испорченном воображении восьмого «Бэ» весьма и весьма нехорошие подозрения.

Аккуратно выведенная на доске надпись «Миша+Вова=?» ещё терпима. Ещё терпима и та же мысль, изложенная в значительно более грубой форме на стене мужского туалета.

Но однажды Мишка приходит на урок с распухшим носом. Теперь его римский профиль мало чем отличается от рязанской Володькиной

физиономии. Не говоря ни слова, он пересаживается с первой парты, которую с ним понимающе разделит Володька, куда-то на третью.

- Мих, ты чо? – удивляется простодушный Володька. – Ты ж там не увидишь ни хрена.

Мишка в ответ бурчит:

- Отвяжись.

- Да блин, Мих, ну реально...

Тогда он повторяет ту же просьбу, но уже без цензуры. Вообще Мишка не ругается матом и даже сам поражается тому, как это у него вдруг вышло.

- Голубки разосра-а-лись, - сладко мурлычет Диана. Все, разумеется, гогочут, а ей того и надо; мяукает дальше:

- А как же любо-овь?

И тут Володька не выдерживает.

- Да! – кричит он и бьёт кулаком по столу. – А сами-то вы! Подруги, называется! Хоть раз бы, хоть раз её навестили!

- Кого – её? – спрашивает Ющенко.

- Гомосексуальную...организацию, - отвечает Венька Свидригайлов, и все заливаются ещё громче.

Тогда Володька тихо говорит:

- Вику.

И все отчего-то перестают хохотать.

После уроков навещать Вику торжественно идёт вся женская половина восьмого «Бэ» с сияющим Володькой во главе. Мальчишек мало – у всех неожиданно нашлись дела поважнее.

- Володь, не надо, - тихо бормочет Мишка, но тот аж светится, уверенный, что вся эта делегация доставит Вике большое удовольствие.

Девчонки шепчутся, охают, ахают и страшно волнуются, как же без Вики будет Парад Победы. Тот факт, что без Вики вполне спокойно прошли пять месяцев, сейчас отчего-то никого не смущает.

Не шепчется и не ахает только Машка, которая плетётся позади всей компании, угрюмо глядя в Мишкин затылок.

Разумеется, она в него не влюблена. Ну что за дичь, это Дианка выдумала. Конечно, был бы номер – Машка, ростом метр семьдесят два, и вдруг влюбится в Мишку, который ей в пупок дышит. Бред же полный. А что на руке у неё циркулем нацарапано «М&М», так это означает – Мэрилин Мэнсон, и больше ничего не означает; а Мэрилин Мэнсон, чтоб вы знали, это – тренд.

При встрече Вика смущается. Девчонки тоже смущаются, но ненадолго.

- Ви-и-кочка! – неправдоподобно громко визжат в один голос Ющенко, Диана и Светка Каневских, и лезут обниматься, целоваться, а потом...потом, конечно, фотографироваться.

Минут через двадцать всем становится резко пора домой, так что остаются только Вика, Мишка и Володька, листаящие многочисленные обновлённые инсталенты.

Хэштеги, разумеется, весьма сопливые: #викадержись, #любимпомним, кто-то особо одарённый написал даже #скорбим. Но дело не в этом.

У Светки Каневских – высокий конский хвост. У Ющенко – пышные рыжие локоны. У Дианы – стильная асимметричная причёска, только что сделанная в салоне.

У Вики – круглая, абсолютно гладкая, как колено, монструозная какая-то голова с торчащими розовыми ушами, такими тонкими, что даже светятся.

- Ты самая красивая, - говорит Мишка, так что сразу становится понятно – абсолютно искренне. Когда тебе четырнадцать и ты впервые в жизни влюблён, легко быть абсолютно искренним.

Володька молчит. В нём борются мучительный страх и мучительное желание провести рукой по этой милой, беззащитной голове.

На лето Володька устроился в «Макдональдс». Он ещё больше вымахал и обзавёлся настоящими пшеничными усами, так что ему без труда дают восемнадцать. Он безо всяких проблем покупает сигареты своему приятелю, которому не дашь и двенадцати, и таким образом избавил его от необходимости воровать у отца.

Мишку, конечно, никто не взял бы в «Макдональдс» по причине не только роста, но и полнейшей нерасторопности, однако он тоже нашёл работу. Два раза в неделю, с пяти до шести, он преподаёт английский хмурому третьекласснику Лисичкину.

- Зис из э кэт, - с энтузиазмом восклицает Мишка, тыкая пальцем в коряво намалёванного ярко-красного кота. – Зэт из э бёд, - Мишкин палец перемещается к кривому ненатурально зелёному дереву, на котором сидит весьма пучеглазая птица на тощих лапках. - Ну, давай теперь сам.

Лисичкин недоумевающее грызёт авторучку и минут через десять бормочет под нос:

- Бёд.

- Ну-ка, а артикль? Зис или зэт?

Лисичкин долго-долго смотрит в никуда ничего не выражающими глазами и приклеивая под стол жвачку, снисходительно говорит:

- Кэт.

Понемногу Мишкин энтузиазм начинает гаснуть. Он ставит Лисичкину на планшете глупые английские песенки и терпеливо ждёт, когда наступит шесть, и Лисичкина-мама, такая же недоумевающе флегматичная, вручит ему триста рублей – куда же ему больше, он и сам-то ещё школьник.

Алексей Васильевич по-прежнему предлагает сыну карманные деньги, причём гораздо больше того, что снисходительно жалуется Лисичкина-мама, но Мишка не берёт. Володька вон сам зарабатывает, а он? Чем он хуже?

Володька собирает для Мишки электронную сигарету. Мишка читает Вике вслух «Лолиту». Не то чтобы это была самая подходящая книга для её возраста, но давно, ещё в прошлой жизни, Вика позировала с этой книгой, в белых чулочках и клетчатой юбочке, для рекламы одноимённых духов – чёрт

возьми, с ней ли это было? Осталось только название книги...и сама реклама, конечно. Искусство бессмертно.

- Меня всё обследуют, - жалуется Вика, - обследуют и ничего толком сказать не могут.

Мишка задумывается. Вспоминает, как, заходя к отцу на работу, видел рекламный плакат с крупно выведенным названием онкологического центра.

- Ты там была? – спрашивает он Вику, как будто речь о клубе или модном курорте.

Вика там не была.

На следующий день отправляются все вместе – под обе руки поддерживают Вику, совсем отошавшую и бледную-бледную. На лысую голову накинули капюшон; я совсем как наркоманка, жалуется Вика.

Суровая регистраторша у входа резко спрашивает:

- На какое время записаны?

И до всех троих именно в эту минуту доходит, что надо было записываться.

На обратном пути, не забывая поддерживать под руки Вику, долго и нудно выясняют отношения.

- Идиота кусок, - шипит Мишка.

- А ты...а ты целый идиот, - парирует Володька.

- А ты придурок.

- А ты полудурок.

Вне всякого сомнения, они знают слова и похлеще, но не при Вике же их употреблять!

- А ты ничего своего придумать не можешь!

Володька думает до самого Викиного подъезда. И наконец его осеняет:

- А ты – куча дерьма несвежего.

Но Мишка и тут на высоте:

- А ты – свежего.

По записи они приходят на следующий день. Врач, пожилой мужчина с холодными глазами, видевшими слишком много, долго осматривает Вику и сухо говорит, что нужна операция.

- Ну вот, - радуется Володька, - сделают операцию и...

Вика молчит. Потом тихо говорит, что ей уже несколько раз говорили о необходимости операции. Потом ещё тише говорит, во сколько обойдётся эта операция.

Володька ругается уже по-настоящему. Сквозь зубы, конечно, но всё-таки по-настоящему.

Мишка молчит. Он очень бледен. Не так бледен, как Вика, но всё-таки очень.

Он знает, что делать дальше.

И он это сделает.

Мелкие деньги лежат у Алексея Васильевича в верхнем ящике стола. Сигареты – попеременно то в верхнем, то в нижнем, ибо он наивно полагает, что Мишка не поймёт этот алгоритм.

Очень крупные деньги хранятся в сейфе.

Пароль – самый счастливый день в жизни Алексея Васильевича.

День, когда родился Мишка.

Тот самый Мишка, который сейчас дрожащими пальцами набирает этот пароль.

Алексей Васильевич, конечно, должен быть на работе. Он всегда на работе. Он может и вообще не заметить.

Мишка вытаскивает деньги. Липкими пальцами отсчитывает, сколько нужно. Нужно почти всё. Алексей Васильевич не может не заметить.

Но Мишка отдаст. Заработает и отдаст. Но понемногу. А операция Вике нужна сейчас.

Он мог бы, конечно, объяснить, но Алексей Васильевич не поймёт.

Мишка слышит за дверью испуганный женский голос. Это, конечно, у соседей. В их квартире женские голоса не слышны уже тринадцать лет, с тех пор как мама, не справившись с послеродовой депрессией, не уехала в Сочи. Как оказалось, навсегда.

- Может, мы подождём, Лёлик? – убеждает женщина. – В этом возрасте они все такие ранимые...

- Чего ждать? Ну чего ждать, Котик? – отвечает хриплый бас, очень похожий на бас Алексея Васильевича. Или это кажется Мишке от страха? – Всё он поймёт. Он же не какой-нибудь дебил малолетний, он серьёзный парень, уже сам деньги зарабатывает, ты представляешь? Я ему говорю – да возьми там в столе сколько надо; а он ни в какую!

- Но всё-таки, Лёлик...это ведь...

Что «это ведь», Мишке узнать так и не суждено.

Дверь распахивается. На пороге стоят Алексей Васильевич и очень высокая, очень худая блондинка в узких брюках и тяжёлых очках.

«Серьёзный парень» бледнеет, и тонкая пачка купюр вываливается у него из ладони, а ещё одна, потолще – из кармана.

- Что же это такое, Михаил? – бормочет Алексей Васильевич. – Ведь это же кража..со взломом...статья сто пятьдесят восьмая...- он понимает, что говорит совсем не то, что нужно, но остановиться не может. – И ведь я предлагал тебе деньги, Михаил, ведь я ни в чём тебя, кажется, не ограничивал, ты понимаешь? Почему так, почему этот нож в спину?

Мишка молчит и старается думать не об этом. О чём-нибудь другом. О блондинке в узких брюках, которая для отца почему-то Котик, тогда как он сам - Михаил. Наверное, потому что блондинка не стала бы грабить сейф Алексея Васильевича. Хотя кто её знает, может, и стала бы.

- И зачем тебе такая сумма, Михаил? Может быть, ты...играешь на деньги? Употребляешь наркотики? Может быть...- он смотрит на цыплячи Мишкины плечи, и его голос начинает дрожать, - может быть, ты связался с женщиной?

И тут Мишка неожиданно раздражается рыданиями.

Громко. Стыдно.

Размазывает по лицу слёзы и сопли рукавом толстовки и ничего, ничего не может с собой поделать.

- С де...с девушкой, - давясь и всхлипывая, бормочет он.

Алексею Васильевичу кажется, что он всё понимает, хотя он не понимает ничего. Екатерина Сергеевна, может быть, поняла бы. Но она стоит в прихожей, вне себя от смущения, и не знает, то ли ей повернуться и уйти, то ли...

- Глупо, Михаил, - говорит Алексей Васильевич. – Любовь за деньги не купишь – пора бы об этом давно знать.

И тут же в голове проносится мысль – а сам-то? Отстёгивал ему на карманные расходы и думал – этого хватит? Почему же он теперь рыдает, его Михаил...

- Мишук, - шепчет Алексей Васильевич ласково, как в детстве. – Ну чего ты, в самом деле, ну, Мишук? – и прижимает к себе маленького сына, и тот бормочет ему в плечо:

- У неё опухоль...операция...

И тогда Алексей Васильевич понимает действительно всё.

- Котик, - зовёт он в темноту коридора, - иди, пожалуйста, к нам. Мы не справимся без тебя...

Екатерина Сергеевна уверена всегда и во всём.

Поступая в институт, была уверена, что провалится. Поступив – не сомневалась, что отчислят.

Придя на собеседование, точно знала, что не примут. Когда приняли – ждала, когда же уволят.

Полюбив Алексея Васильевича, ни секунды не питала себя иллюзиями, что он тоже её полюбит. Когда он её полюбил – высчитывала день, когда разлюбит.

А на работе, глядя в глаза маленьким пациентам, ясно видела, что может и должна их спасти.

И спасала.

Потому что в те минуты, когда от неё зависела не своя, а чья-то чужая жизнь, она была целиком и полностью уверена в себе.

Вика лежит в палате.

Володька, поджав ноги, ютится на низеньком стульчике. Мишка застыл у окна – курить здесь строго запрещено, но привычка стоять у окна осталась.

После операции шансы выжить – восемьдесят процентов. Только восемьдесят. Не сто.

Но шансов выжить без операции ещё меньше.

- Ребят, - чуть слышно говорит Вика. Володька и Мишка синхронно подбегают к узкой железной кровати.

- Ребят...спасибо вам за всё.

Володька держится. А Мишка – Мишка ревет, не стесняясь, что уж там.

- И ещё, ребят, - совсем тихо, - вы можете меня поцеловать?

Мишка задумывается, правильно ли расслышал. Потом, зажмурив глаза, решительно наклоняется к ней.

Первый поцелуй в его и её жизни приходится куда-то между щекой и носогубным треугольником. Он очень мокрый, этот поцелуй; их слёзы сливаются, и, может быть, это даже интимнее, чем если бы слились губы.

Язык Володьки прилипает к нёбу, тяжело разбухнув. В ушах стучит, как если бы Володькина голова стала вдруг колоколом. Он весь наливается свинцом и багровой краской, и тогда Вика, из последних сил приподнявшись на локте, сама целует его в намертво сжатый рот. И, словно разбуженный этим

поцелуем, он сжимает её в объятиях, крепко, безнадежно, как ускользающую жизнь.

Потом приходит молодая, со вздернутым носиком, медсестра с каталкой. Мишка и Володька выходят в коридор.

В прошлом году, да и в этом тоже, если бы вы спросили Володьку и Мишку, о чём они мечтают больше всего на свете, Володька сказал бы, что – о гироскутере, а Мишка – о своей собственной рок-группе. Потому что они ни при каких обстоятельствах не рассказали бы вам, что самая главная их мечта – поцеловать Вику.

А сбываются только самые главные мечты.

- Будет жить, - говорит измученная Екатерина Сергеевна, два часа спустя выйдя из операционной, измученным Володьке и Мишке, проторчавшим в коридоре все эти два часа.

- Будет жить, - тут же оповещает Володька на фейсбуке и вконтакте всех своих одноклассников, которые далеко не сразу понимают, о ком речь.

- Будет жить! – вопит Мишка в самое ухо Алексею Васильевичу, и тот, обняв сына, говорит наконец то, что собирался:

- Мишук...ты понимаешь, Котик...то есть Екатерина Сергеевна будет жить... с нами. Ты ведь не возражаешь?

- Ты что, папа! – восклицает Мишка. – Ещё как не возражаю! Мы же без неё не справимся!

Вика спит, и ей снится, что всё хорошо.

Что у неё снова выросли волосы, и сама она тоже выросла, и учится в театральном, и стала моделью «Victoria's Secret».

И что в неё по-настоящему – как в романах! – влюбился Влад из десятого «А».

Вы знаете Влада из десятого «А»?

Но это уже совсем, совсем другая история...